

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Is. 6, pp. 1220–1231, 2019
DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1221-1231
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 398.2

Кошка в фольклоре калмыков, других монголоязычных народов и народов Дальнего Востока

Алексей Алексеевич Бурыкин¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
ORCID: 0000-0002-9119-2698. E-mail: albury@mail.ru

Аннотация. *Введение.* Статья рассматривает материал о кошке в культуре калмыков и других монголоязычных народов. Вопреки ожиданиям, связанным с культурой номадов, в новых материалах по калмыцкому фольклору кошка представлена в калмыцком фольклоре в значительном объеме разнообразных примеров. Кошка, спасенная от смерти купившим ее новым хозяином, вместе с собакой становится его помощником. Аналогичный сюжет встречается у бурят и у корейцев, у которых встречается много мотивов, связанных с кошкой и сходных с мотивами у калмыков, монголов и бурят. Важно, что кошка выступает как охранитель буддийских рукописей и хурулов, возможно, что распространение кошек в Центральной Азии и странах Дальнего Востока связано с распространением буддизма и по событиям, и по времени. *Цель.* В связи с большим объемом нового материала о кошке в фольклоре калмыков появилась необходимость осветить этнографические материалы о характеристике отношения к кошке у калмыков, выявить параллели к рассказам и сказкам о кошке у калмыков, выявить единство культурного компонента в рассказах о кошке у калмыков, бурят, монголов, китайцев и корейцев, оценить степень сходства сравниваемых текстов, определить самостоятельность этнографически значимых элементов в сравниваемых текстах, отграничить характеристики реалий от чисто сюжетных фольклорных элементов. *Результаты.* Отмечена связь некоторых представлений, связанных с кошкой, в виде их реализации в фольклоре и повседневного отношения к кошке в быту калмыков в 1920–1930-е годы по этнографическим источникам. Прослежена распространенность отдельных сюжетов, в которых присутствуют кошка и собака, среди монголоязычных народов с их аналогиями во Внутренней Монголии, Китае и Корее, при этом оказывается, что в фольклоре корейцев культ кошек представлен наиболее выразительно и связан с культом тигра (кошки — потомки брачного союза человека и тигрицы). Распространение кошек связывается с отменой традиции убивать стариков. Распространение кошек по фольклорным рассказам калмыков, корейцев и тувинцев связывается с необходимостью заводить кошек в буддийских монастырях для того, чтобы кошки охраняли буддийские рукописи от мышей, таким образом, распространение кошек среди народов Центральной Азии и Дальнего Востока связывается по времени с распространением буддийского вероучения в этом регионе. В то же время культурные составляющие, связанные с отношением к кошке, у буддистов не связаны с почтительным отношением к кошке в исламе, соотношенным с личностью Пророка Мухаммеда.

Ключевые слова: фольклор, кошки, тигр, монголы, калмыки, японцы, китайцы, сказка, буддизм, рукописи

Благодарности. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (регистрационный номер АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Бурькин А. А. Кошка в фольклоре калмыков и других монголоязычных народов. *Oriental Studies*. 2019;(6): 1221–1231. 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1221-1231.

UDC 398.2

The Cat in Folklore Traditions of the Kalmyks, Other Mongolic and Far Eastern Peoples

*Aleksey A. Burykin*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation). Dr. Sc. (Philology), Dr. Sc. (History), Leading Research Associate. ORCID: 0000-0002-9119-2698. E-mail: albury@mail.ru

Abstract. Introduction. The article observes the material about cat in the culture of Kalmyks and other Mongol-speaking peoples. Contrary to expectations associated with the nomadic culture, in new materials on Kalmyk folklore, the cat is represented in Kalmyk folklore in a significant number of various examples. The cat, saved from death by the new owner who bought it, together with the dog becomes his assistant. A similar story is found among the Buryats and Koreans, who have many motifs related to the cat and similar to those of Kalmyks, Mongols and Buryats. It is important that the cat acts as a guardian of Buddhist manuscripts and khuruls, it is possible that the distribution of cats in Central Asia and the countries of the Far East is associated with the spread of Buddhism both in events and in time. *Goal.* In connection with the large amount of new material about the cat in Kalmyk folklore, it became necessary to clarify ethnographic materials on the characteristics of the Kalmyks attitude to the cat, to identify parallels to the stories and tales about the cat among Kalmyks, to reveal the unity of the cultural component in the stories about the cat among Kalmyks, Buryats, Mongols, Chinese and Koreans, to assess the degree of similarity of the compared texts, to determine the independence of ethnographically significant elements in the compared texts, to distinguish the characteristics of realia from purely narrative folkloric detail. *Results.* The connection of some notions related to the cat in the form of their implementation in folklore and everyday attitudes to the cat in the life of Kalmyks in the 1920s–1930s according to ethnographic sources is noted. The prevalence of individual plots in which a cat and a dog are present is traced among the Mongolian peoples with their analogies in Inner Mongolia, China and Korea, and it turns out that in the folklore of Koreans, the cat cult is presented in the most eloquent way and is associated with the tiger cult (cats are thought to be descendants of the mating union of a man and a tigress). The spread of cats is associated with the abolition of the tradition of killing old people. The proliferation of cats in the folklore stories of Kalmyks, Koreans and Tuvans is associated with the need to get cats in Buddhist monasteries so that cats protect Buddhist manuscripts from mice, this way distribution of cats among the peoples of Central Asia and the Far East is associated in time with the spread of Buddhist religious doctrine in this region. At the same time, the cultural components related to the attitude to the cat among Buddhists are not related to the respectful attitude to the cat in Islam, correlated with the personality of the Prophet Muhammad.

Keywords: folklore, cats, tiger, Mongols, Kalmyks, Japanese, Chinese, Koreans, fairy tale, Buddhism, manuscripts

Acknowledgements: Research was performed within a government subsidy — project name ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’ (State Reg. No. АААА-А19-119011490036-1).

For citation: Burykin A. A. The Cat in Folklore Traditions of the Kalmyks, Other Mongolic and Far Eastern Peoples. *Oriental Studies*. 2019;(6): 1221–1231. 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1221-1231.

Введение

До недавнего времени было принято считать, что кошка — животное, чуждое калмыцкой культуре. Мы не обнаруживаем прямых доказательств этому тезису, в то время как материалов, находящихся в прямом противоречии с таким утверждением, вполне достаточно. Знарок калмыцкой культуры У. Д. Душан писал: «Кошка считается собакой бога и гелюнгом животных. Существует поверье, что там, где есть кошка, должно быть несчастье с детьми, ибо кошка всегда желает, чтобы кроме нее не было никого, кого можно ласкать. Точно так же калмыки говорят, что кошка — самое благородное животное, ибо когда она ест, ни на кого не обращает внимания, даже не смотрит на того человека, который кормит её, а всегда закрывает глаза во время еды. Считается величайшим грехом бить кошек, особенно убивать их. Если кошка умывает лицо, то это примета, что будут гости. Эта примета распространена у многих народов, в том числе и у русских» [Душан 2016: 212–213] (См. о нем: [Бурыкин, Музраева 2018: 38–57]). Наблюдение о том, что кошка закрывает глаза во время еды, представлено в одном из рассказов о кошке (см. ниже), что свидетельствует о его распространенности среди калмыков, а это, в свою очередь, говорит о хорошем знакомстве калмыков с кошкой как домашним животным.

Фольклор калмыков также до поры до времени не давал материалов, говорящих о какой-либо роли кошки в культуре калмыков. Однако появление томов Свода калмыцкого фольклора и ранее — выпусков 60-томной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» позволяет полностью пересмотреть статус кошки как домашнего животного калмыков и ее роль в фольклоре калмыков и других монголоязычных народов и народов Дальнего Востока. В вышедших томах Свода калмыцкого фольклора присутствуют сюжеты с кошками. Можно начать с восхваления-магтала кошкам:

С самых давних пор кошка сопровождает человека. Это — животное, всегда сопровождавшее человека. Когда калмыки стали носить, как и русские, меховые шубы, [мышьи] стали грызть их. Тогда кошка стала ловить мышей. Калмыки с любовью от-

носились к кошке, считая ее животным, помогающим сохранить в целостности одежду. Относясь к кошке с любовью, калмыки сочинили такой магтал:

*«С носом, как у человека,
С шеей, как у хорька,
С хребтом, как у барсука,
С хвостом, как у змеи,
С ушами, как у волка,
С сердцем, словно камень,
С усами, как крылья у ласточки,
С хваткой, как у ястреба.
С лапками, словно творожные лепёшки,
Как у совы,
С длинными когтями.*

[Мифы, легенды ... 2017, № 75: 143–145].

Приведенный текст магтала очень сходен с образцами калмыцких стихотворных примет-шинж, характеризующих животных [Борджанова, Бурыкин 1998: 82–88], среди которых есть и характеристика кошки. Вероятно, стихотворная примета кошки превратилась в магтал в силу особой привязанности людей к этому животному.

Для характеристики отношения к кошке и собаке у калмыков привлекает внимание сюжет «Кошка и собака» [НА КалмНЦ РАН. Инф. Л. Адудов, запись Э. Б. Овалова], где кошка и собака заменяют членов семьи бездетным старикам. В текст этой сказки включен вариант, представленный ниже [Мифы, легенды ... 2017: № 52].

Наиболее распространенные сказочные сюжеты о кошке у калмыков — это этиологические рассказы о вражде кошки и собаки. Вот один из вариантов такой сказки:

«Кошка и собака, желая помочь своему хозяину, отправились на поиски кошелька. Найдя колешек, кошка пошла с ним домой, а собака прилегла на берегу реки и уснула. Кошка принесла кошелек домой и отдала старику со старухой. Когда обрадованные старик и старуха, забрав кошелек, уселись поесть, явилась собака. Получилось так, что кошка исполнила [задуманное], а собака — не исполнила.

Поэтому исполнившая [задуманное] кошка живет в доме, а собака, так как заснула, живет на улице» [Мифы, легенды ... 2017: № 52].

Иногда этот антагонизм подается в очень мягком виде, что видно на примере сказки «О кошке и собаке»:

«Кошка живет в доме, а собака — на улице. [Однажды] собака спросила у кошки:

— Дали [тебе] еду?

— Дали.

— Кто дал еду? — спросила собака.

— Кто дал — не знаю. Я с закрытыми глазами ем, — ответила [кошка] [Алтин чеежтэ келмрч 2010: 125].

Там, где кошка входит в ряд героев-животных, она лает по-собачьи и обманывает мышь, мыши считают кошку самым сильным зверем [Алтин чеежтэ келмрч 2010: 125].

Антагонизм собаки и кошки присутствует как мотив и в других сказках. Приведем мотив из сказки «Манжик-Зарлик и его работник»:

«Как-то под вечер работник на тулге (тагане) готовил ужин. Подошла ханская кошка и стала куски махана (мяса) выпрашивать.

— Что, у хана мало лопаешь? Хочешь и здесь все сожрать? — проворчала черная собака.

— А ты скупись даже на объедки? — ответила кошка. — Будешь мне мешать, обернусь ядовитой змеею и укушу твоего хозяина.

— Если не уйдешь отсюда, я скажу Хара-Кевюну, что твоя желчь может вылечить дочь Бурул-хана, — огрызнулся черный пес.

Работник услышал разговор ханской кошки с черной собакой, поймал кошку и вытащил желчь. Во время ужина Манжик-Зарлик стал рассказывать Хара-Кевюну о болезни дочери хана.

— В таком большом нутуке не нашлось человека, который мог бы ее от недуга излечить?! Я и то мог бы ханскую дочь вылечить! — сказал Хара-Кевюн.

Из желчи кошки герой готовит лекарство для ханской дочери, та выздоравливает, герой женится на ней» [ЗВОРАО 1889: 307–346].

В калмыцкой сказке «Кошка и собака» юноша на все заработанные деньги выкупает кошку и собаку, от которых хотят избавиться хозяева, потому что животные состарились, а также змею, которую ребята хотят убить. Змея дарит ему волшебный камень, который крадет у него ханская дочь, вышедшая за героя замуж; кошка и собака находят своего хозяина, возвращают ему камень,

юноша находит себе достойную невесту [Алтин чеежтэ келмрч 2010: 125]. У калмыков данный сюжет не единичен, имеется сказка со сходной сюжетной основой «Волшебный камень» [Калмыцкие народные сказки 1978: 114–119; Хальмг туульс 1961: 201–203], что свидетельствует о высокой степени аккультурированности кошки среди носителей фольклорной традиции, даже если эти сюжеты могут быть заимствованными у каких-то центральноазиатских соседей. В самом деле, незнакомое животное вряд ли могло обрести статус волшебного помощника в сказке с таким сюжетом. Исследовательница Осорин Угнасун провела сравнительный анализ вариантов «Легенды о кошке и собаке», бытовавших во Внутренней Монголии, Южной Монголии и в Калмыкии. В дунсянских легендах собака и кошка возвращают хозяину украденное кольцо, становятся спасителями рода людского, сохранив им средство для пропитания.

В калмыцкой версии данной легенды мальчик покупает животных у старика, пытавшегося избавиться от них, и тем самым спасает жизнь этим животным, которые отплачивают ему добром [Угнасун 2015: 201]. Такие же сказки есть у алтайских тувинцев [Таубе 1994: 210–216, 216–224] и у других народов Центральной Азии [Таубе 1994: 330].

Рассмотрим тувинскую сказку «Старик Эндз Дендз, или Юноша с собакой, кошкой и рыбой»:

«Давным-давно жил на свете Эндз Дендз, старик. Был у него только один сын и шесть кошелей, полных золота. Однажды он дал своему сыну один из этих кошелей и сказал:

— Пойди и истрать это на покупки, сын мой!»

Юноша покупает сушеную рыбу, кошку и собаку, дав за каждую по кошелю золота, — родители прогоняют его. Он уходит в чужую страну, его призывает к себе Лузут-хан, поскольку юноша спас его дочь в виде рыбы. Юноша в награду просит ларец, кошка и собака помогают юноше сохранить его у себя:

«А когда проснулся, опять увидел вокруг алые храмы, город и людей, и все это было залито ярким светом. На пастбищах пасся в изобилии всякий скот, и вокруг шу-

мело, как некогда, ядовитое море. Так юноша опять стал Солнечным ханом!» [Таубе 1994: 210–216].

Эта тувинская сказка сохраняет экспозицию сюжета, знакомую нам по калмыцкой сказке, но в важных деталях отличается от нее. В ней герой покупает животных не на последние деньги семьи, а тратя на каждое целый кошелек с золотом, хотя именно счетом кошельков определяется не слишком большое достояние семьи. Далее, начиная с эпизода с отпущенной рыбой, сказка превращается в волшебную сказку, в которой искомый предмет — уже не кошелек старика, а красный ларец с чудесами — не только обретается, но и пропадает, и кошка просит мышей помочь ей, чтобы отобрать его у старика. Наконец, финал сказки, в котором герой становится солнечным ханом, является диссонансом по сравнению с известными вариантами сказок за пределами тувинского Урянхая. Интересно, что в вариантах тувинских сказок с этим сюжетом герой сначала покупает рыбу, а потом кошку и собаку, и это понятно: оживающая рыбка потом и становится источником чудес, составляющих продолжение приключений героя — собака помогает персонажам преодолеть море, а кошка побуждает мышей прийти героям на помощь и завладеть чудесным красным ларцом.

Вариантом этой же сказки является сказка «Аржу Буржу Хаан» [Таубе 1994: 216–224], содержащая мифологическую экспозицию в песенной форме. Это повествование осложнено мотивом чудесного рождения сына у старухи на пятьдесят пятом году жизни, рыбка, спасенная героем — не дочь, а сын хана, вместо старика с амбивалентными функциями — помощник-советчик и похититель — в этом варианте фигурирует старуха, которая лишается глаз (их выцарапала кошка), в финале сказки все вокруг исчезает, остаются только герой и спасенная им дочь Лузут-хана.

Параллелью к рассматриваемым сказкам является китайская сказка: «Как собака с кошкой враждовать стали». Вот ее текст:

«Жил в старину бедный старик со своей слепой старухой. Детей у них не было, только собака да кошка. Дружно жили звери, так и ходили друг за дружкой, как тень за человеком, и хозяевам верно служили. Уйдет старик из дому, они со старухой

дом стерегут, чужого близко не подпускают. Пуще сокровища берегли старики своих любимцев, не били, не ругали. С собакой и кошкой жилось им, горемыкам, не так тоскливо.

Далее согласно сюжету старик идет в горы косить траву, спасает змейку, та оставляет ему свой хвост, из которого сыплются деньги. Бродячий торговец крадет шкатулку со змеиным хвостом, кошка и собака отправляются искать пропажу; переправляются через реку (в тувинской сказке — через море), кошка с помощью мышей добывает шкатулку, кошка роняет шкатулку в реку, ее достает собака, животные приносят ее хозяевам, но все заслуги достаются кошке — из-за этого кошка и собака не любят друг друга [Китайские народные сказки 1972: 39–42].

Китайская сказка, приведенная выше, отличается от тех сказок, которые были рассмотрены ранее, многими особенностями. Прежде всего, в ней отсутствует уже привычный персонаж — сын старика и старухи, главным антропоморфным героем сказки оказывается старик, которому змея дарит источник богатства. В тувинских сказках, во-первых, действие перенесено в сферу владельцев высших сословий, хотя бы Лузут-хан и является ханом стихии, во-вторых, оно осложнено и по-своему возвышено локусами действия — это храмы и подземный ход, вырытый мышами. В китайской сказке, что сближает ее с бытовыми сказками, герои представляют невысокие социальные слои — не выше торговца-жениха. Преградой для собаки и кошки, как и в ряде сюжетных вариантов, является не ядовитое море, а река. Наконец, если у тувинцев в вариантах сказки присутствует идиллия в отношениях между героями, то китайская сказка возвращает нас к объяснению появления вражды между собакой и кошкой, инициатором которой оказывается кошка, обманувшая собаку и своих хозяев.

Имеющиеся исследования китайских сказок [Репнякова 2001] не позволяют считать сказки о кошках пришедшими к монголам из Китая, так как кошка не входит в число животных, часто встречающихся в китайских сказках.

Казахская сказка «Почему собака и кошка враждуют» предельно близка калмыцкой сказке с тем же сюжетом [Почему собака и

кошка ...]. Аналогичная сказка есть у корейцев («Как собака с кошкой врагами стали») с несколько другим осложнением сюжета [Феи ... 1991: 47].

Очень существенно, что сказка («Золотой перстень») с аналогичным сюжетом — юноша спасает кошку, собаку и львенка (тигрёнка), потом становится жертвой коварной жены, и его друзья-животные помогают ему — есть и у бурят [Золотой перстень]. В другой бурятской сказке с таким же сюжетом «Бедный Боролзой» кот выступает как антагонист животных, помогающих герою [Бурятские волшебные сказки 1993: 231–248].

Мотив кошки-стражника сокровища есть в сборнике «Волшебный мертвец», в сказке «Сын брахмана, ставший царем» [Волшебный мертвец 1958: 81–87].

Очень трогателен сюжет калмыцкой сказки «Пока не увидишь воды — не снимай сапоги». Мать ребенка видит кошку с окровавленным ртом, думает, что она съела ребенка, убивает кошку: оказывается, что кошка загрызла змею, угрожавшую ребенку. «Так произошла пословица: „Пока не увидишь воды — не снимай сапоги“» [Мифы, легенды ... 2017: № 91].

Таким образом, кошка может быть таким же защитником людей, каким традиционно выступает собака.

Примечательна калмыцкая сказка «Об одном повелении хана», в которой представлен сюжет о прекращении обычая убивать стариков. В ней повествуется о том, что огромная мышь грызла молитвенники, старик посоветовал сыну привезти из русских краев животное, называемое кошкой. Привезенная кошка съедает мышь, и гелюнги возвращаются в хурул. Когда хан спросил, кто запустил кошку в хурул, юноша рассказал про совет отца. «С той поры в том нутуке перестали убивать старых людей. Все люди стали прислушиваться к мудрым советам стариков, стали уважительно относиться к ним. С тех времен калмыки почитают кошку за то, что она оказала им такую услугу. У кошки на ушах есть печати Манджушири в виде насечек. Поэтому старые люди говорят, что бить кошку по голове нельзя — это грех» [информант — Б. Г. Гедеев, запись Д. Б. Гедеевой]¹.

¹ Выражаю благодарность кандидату филологических наук Д. Б. Гедеевой за предоставленную запись.

Похожий сюжет, эксплицирующий покровительственное отношение к кошке, встречается и среди корейских сказок. Вот аналогичный текст «Как появились мыши, и с каких пор перестали убивать стариков»:

«Прежде стариков, когда они достигали шестидесяти лет, убивали. Один сын очень любил своего отца и, когда ему минуло шестьдесят лет, спрятал его в подземелье, куда и носил ему пищу.

Однажды на дворец богдыхана напали какие-то страшные звери, величиною с корову, серые, с узкими, длинными мордами, с длинными тонкими хвостами. Все потеряли голову и не знали, что делать.

Тогда старик-отец сказал:

— Надо найти восьмифунтовую кошку.

Нашли кошку в семь с половиной фунтов.

— Кормите ее, — сказал старик, — пока она не вытянет восемь фунтов ровно.

Когда кошка вытянула восемь фунтов, ее выпустили на зверей.

И вот что случилось.

Увидев ее, звери стали уменьшаться, пока не превратились в обыкновенных мышей, которых и ловят с тех пор обыкновенные кошки.

Когда император узнал, кто выручил всех из беды, то разрешил с тех пор старикам жить столько, сколько они хотят.

Так появились мыши на свете, виновники того, что стариков не убивают больше» [Гарин-Михайловский 1898: № 29].

Эти повествования, в особенности в связи друг с другом, привлекают внимание по той причине, что присутствие в них кошки делает их самостоятельными в ряду образцов сюжета о защите стариков, придуманного и распространяемого, безусловно, самими стариками для сохранения собственных интересов. Интересный прием этих сказок — плавающая гипербола, благодаря которой враждебные звери уменьшаются в размерах, а кошка дорастает до нужного веса, причем эти превращения осуществляются как бы без видимых причин.

Кошка присутствует в калмыцкой кумулятивной (докучной)² сказке «Злая ворона» среди других персонажей-животных, что само по себе показательное, поскольку

² О них см.: [Носов 2011; Басангова, Манджиева 2011].

сказки этого типа представляли собой своеобразный устный учебник родного языка и пособие для знакомства маленьких детей с окружающим миром [Шарина, Бурыкин 2017: 271–276]. К такому же типу относится сказка «Воробей». В таком же ряду персонажей кошка представлена в монгольской сказке «Волшебный колокольчик» [Волшебный колокольчик]. Такие же докучные сказки с цепочками эпизодов, где присутствует и кошка, есть у корейцев («Безропотный поросенок», «Зернышко проса») [Феи ... 1991: 300–302, 210–212].

В корейском фольклоре есть повествование («Кошки»), наиболее поэтично рассказывающее о появлении кошек. Согласно ему, кошки — это дети от союза человека и тигрицы, но не рожденные, а извлеченные из тела убитой матери [Феи ... 1991: 121–125]. Много становится понятным, если принимать во внимание то, что кошки понимаются как родственники человека и его дети.

В культуре народов Востока кошка оканчивается связанной с буддизмом, точнее с его распространением и сохранением предметов буддийского культа. Исследовательница кошки как культурного феномена пишет: «В Японию первые домашние кошки попали в VI в. н. э. из Китая, одновременно с буддизмом. Один монах секты тендаи вез из Китая в Японию на корабле множество буддийских рукописей. Для защиты драгоценного груза от мышей и крыс он взял с собой кошку — и книги в неприкосновенности прибыли в Японию. Шерсть этого зверька была желтоватого окраса, и поэтому (а также потому, что кошка уберегла святыне реликвии) она вошла в историю и в литературу как „золотая кошка“. В Японии кошки применялись сначала для охраны библиотек. Во всех монастырях их держали, чтобы стеречь книги и рукописи от грызунов» [Утюпина 2010: 30]. Желтоватый окрас кошки для буддистов — уже само по себе основание для того, чтобы почитать ее как священное животное. Есть основания думать, что распространение кошек в странах дальнего Востока и было связано с необходимостью охраны рукописей в монастырских библиотеках.

«Во время правления императора Ихийо (986–1011) в текстах „О-у-ку“ и „Макура-но-соси“ сообщается, что император

получил в подарок из Китая двух молодых кошек. За ними ухаживали как за царскими особами: подавали еду на золотых блюдечках, они спали на шелковых подушках. В документах зафиксировано, что на 19-й день 9-го месяца 999 года у кошек родилось пять котят. К ним была приставлена нянька, которая ухаживала за ними» [Утюпина 2010: 30]. Весьма вероятно, что такая же практика охранять рукописи и ксилографы от мышей существовала и на континенте. На это косвенно указывает калмыцкий миф «Будда и кошка», на который обратила внимание Т. Г. Басангова [Басангова 2019: 56].

В «Мифах, легендах и преданиях калмыков» сюжет под номером 103 «Бурхан и кошка» повествует:

«Однажды, когда мышь грызла книгу с учением Бурхана Багши, ее поймала [и съела] кошка. Бурхан Багши погладил ее по спине. С тех пор кошка, с какой бы высоты она ни падала, приземляется не на спину, а на четыре лапки» [Мифы, легенды... 2017, № 103: 203].

Столь же значим калмыцкий мифологический сюжет «Почему мышь стала жить в норке»:

Давно, когда только появились хурулы и монахи, в одном хуруле наставники и зурхачи создавали новые священные книги, но их на мелкие кусочки изгрызали мыши. Тогда старый гелюнг подумал: «Сколько можно терпеть такое от мышей!». Он вырвал из своих усов один волосок и, сказав: «Пусть у бурхана она будет собакой!» — сотворил кошку.

Кошка в одну из ночей собрала мышей и сказала: «Меня назначили вашим наставником. С сегодняшнего дня каждый вечер до единого должны осваивать учение». Мыши согласились и прозанимались в первый вечер, во второй и третий — тоже. Кошка по одному поедала своих учеников. Хан мышью, заподозрив неладное, сказал: «Братья, удивительное дело, нас становится всё меньше, а в испражнениях учителя заметна шерсть. Так от нас ничего не останется. Копайте каждый себе норку, под землей будем жить». С той поры мыши стали жить под землей, а кошка стала прикапывать свои испражнения [Мифы, предания... 2017, № 33, ср. также № 33].

В этом рассказе смещена точка зрения повествователя: в нем во второй части

мышь начинают играть активную роль — это явное развитие сюжета об охране кошкой священных рукописей в сторону персонажей-антагонистов.

Похоже, что структурным источником этого рассказа является тувинская сказка «Кот-наставник»:

«Жил когда-то лама. В его монастыре завелись мыши. Они не только припасы ели, но стали даже подтачивать столбы монастыря. Тогда он пригласил к себе кота. Когда кот пришел, лама созвал всех мышей на хурал и сказал:

— Этот кот будет вашим учителем, наставником. Каждый вечер он будет читать вам судур. Вы все должны ему подчиняться.

Мыши испугались и согласились.

И вот каждый вечер стали они собираться у кота и слушать судур. Когда они расходились, кот ловил последнюю мышь и съедал. С каждым днем мышей становилось все меньше и меньше. Они заметили это. Одна говорит:

— Что это такое? Как начал кот нас учить, нас все меньше и меньше! Куда деваются мыши?

— Может быть, кот мышей поедает? — спросила другая.

— Не может быть, ведь он — наш учитель! — возразила третья.

— Давайте проверим, — сказала четвертая мышь. — Надо украсть у ламы бубенчик и привязать его к хвосту кота.

На другой вечер мыши пришли к коту с бубенчиком. И незаметно привязали его к хвосту своего учителя. После чтения молитв мыши пошли домой. Но за дверьми они не разбежались, а остановились и стали слушать. Сразу же раздался звон бубенчика. Мыши вернулись и увидели, что их сестру, которая выходила последней, кот держал в лапах. Не успели мыши и ахнуть, как кот ее сожрал.

— Вот видите, — сказала старшая мышь, — Это не учитель, это — мангыс. Надо отсюда бежать!

И мыши разбежались в разные стороны. С тех пор они остерегаются кошек» [Тувинские народные сказки 1971: 193].

Эта сказка интересна тем, что в ней герой-лама заводит у себя в монастыре кота специально для охраны рукописей. Кто из них придумывает проповеди для мышей — остается непонятным, да это и не столь важ-

но: важно, что кот исполняет свою службу в монастыре, истребляя мышей. Впрочем, у калмыков есть упоминание в одном из сказочных сюжетов о том, как кошка стала защищать от мышей меховую одежду своих хозяев (о чем сказано выше) [Мифы, предания... 2017, № 75: 142–143].

Очень близкая параллель к тувинской сказке содержится в «Монгольском сборнике рассказов из Панчатантры», изданном Б. Я. Владимирцовым. Текст с названием «Мыши и кот-наставник» имеет одно отличие от тувинской сказки: прежде чем стать мышинным проповедником, кот сам попадает на краже провизии у ламы и теряет хвост; в этом же тексте мыши обнаруживают в кале у кошки кости и волосы мышей, с тех пор кошка скрывает свой кал [Владимирцов 1921: 126–128; Донгак 2004: 83–86].

С буддийским культом связаны и следующие эпизоды монгольской сказки «Золотой арабский пояс»:

Кошка хочет съест попугая, от которого пытался избавиться хан: попугай дает кошке совет, как заставить служителей храма приносить в храм мясо, служители приносят мясо в храм к статуе Будды, кошка всегда сыта [Скородумова 2003: 95–96].

В этом сюжете, пусть и в экзотической форме, отражается почитание кошки: если бы кошка не была почитаемым животным, повествование не поместило бы ее в храм и не сделало бы ее постоянным обитателем.

О. В. Утюпина, обратившаяся впервые к образу кошки и ее месту в истории культуры, замечает: «... во многих сказках отразилось отношение разных народов мира к этому животному. В одних — это хороший, добрый кот (или кошка), в других — злобное маленькое существо, часто связанное с потусторонними силами» [Утюпина 2010: 61].

В калмыцких и монгольских сказках злые кошки отсутствуют, даже если они выступают в роли помощников — антагонистов героя. Впрочем, и сам автор исследования о кошках замечает: «В сказках нет ни одного случая, когда кошка была бы исключительно отрицательным персонажем» [Утюпина 2010: 67]. Лучшее обоснование положительного статуса кошки в сказках народов Центральной Азии и Дальнего Востока — ее связь с буддийской религией. Показательно, что отношение к кошке у

буддистов лишь внешне сходно с почитанием кошки в исламе, выраженном в отношении пророка Мухаммеда к кошке, благодаря чему кошка — единственное животное, которому разрешен вход в мечеть: у буддистов корни почтительного отношения к кошке восходят к какой-то иной культурной традиции.

Выводы

Наше исследование показывает, что кошка не только не является чуждым эле-

ментом в культуре кочевников-калмыков, она выступает как защитник и помощник людей, а те процессы культурных влияний, которые мы знаем по событиям истории Центральной и Южной Азии и Дальнего Востока, свидетельствуют не только о распространении фольклорных сюжетов и культурных образов и представлений, связанных с кошкой, но и о постепенном вхождении кошки в мир и культуру этих народов.

Источники

НА КалмНЦ РАН — Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Информант Л. Адулов, запись Э. Б. Овалова.

Литература

Алтн чеежтэ келмрч 2010 — Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шаня = Хранитель мудрости народной Шаня Боктаев / сост., предисл., коммент. и прилож. Б. Б. Манджиевой. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 172 х.

Басангова 2019 — *Басангова Т. Г.* Кот / кошка в калмыцком фольклоре // *Mongolica*. 2019. Т. XXII. № 1. С. 55–57.

Басангова, Манджиева 2011 — *Басангова Т. Г., Манджиева Б. Б.* Калмыцкая кумулятивная сказка: проблемы классификации и сохранности текстов // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2011. № 1. С. 177–181.

Борджанова, Бурыкин 1998 — *Борджанова Т. Г., Бурыкин А. А.* Калмыцкие стихотворения-приметы «шинж» и их параллели в фольклоре народов Сибири // *Филологический сборник. Памяти В. Ц. Найдакова*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. С. 82–88.

Бурыкин, Музраева 2018 — *Бурыкин А. А., Музраева Д. Н.* Калмыцкая фольклористика и этнография по трудам У. Д. Душана // *Монголоведение (Монгол судлал)*. 2018. № 13. С. 38–57.

Бурятские волшебные сказки 1993 — Бурятские волшебные сказки / сост. Е. В. Баранникова, С. С. Бардаханова, В. Ш. Гунгаров. Новосибирск: ВО «Наука»; Сибирская издат. фирма, 1993. 341 с.

Владимирцов 1921 — *Владимирцов Б. Я.* Монгольский сборник рассказов из Панчатантры. Пг.: Академ. Тип., 1921. 164 с.

Волшебный колокольчик — Монгольская народная сказка. Сказки Монголии [электрон-

ный ресурс] // Сказки. Рассказы. Стихи. URL: <https://skazkibasni.com/volshkolokol> (дата обращения: 27.10.2019).

Волшебный мертвец 1958 — Волшебный мертвец / перевод Б. Я. Владимирцова. М.: Изд-во вост. лит., 1958. 160 с.

Гарин-Михайловский 1957 — *Гарин-Михайловский Н. Г.* Собрание сочинений в 5 томах. Т. 5. М.: ГИХЛ, 1957. 647 с.

Донгак 2004 — *Донгак А. С.* Сюжеты и мотивы «обрамленных повестей» в тувинской сказочной традиции: дис. ... канд. филол. наук. Кызыл, 2004. 164 с.

Душан 2016 — *Душан У.* Избранные труды / сост.: Батыров В. В., Шареева Т. И. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 376 с.

ЗВОРАО 1889 — Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Т. IV. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1889. С. 307–346.

Золотой перстень — Золотой перстень / Бурятские сказки [электронный ресурс] // Ларец сказок. URL: <https://burjatskie-skazki.larec-skazok.ru/zolotoj-persten> (дата обращения: 28.10.2019).

Калмыцкие народные сказки 1978 — Калмыцкие народные сказки / пер. с калмыцкого. Переизд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1978. 146 с.

Китайские народные сказки 1972 — Китайские народные сказки / сост. Б. Рифтин. М.: Худ. лит-ра, 1972. 336 с.

Мифы, легенды ... 2017 — Мифы, легенды и предания калмыков / подгот. текстов, пер., вступ. ст., примеч., коммент., указ., словарь, сверка калмыцких текстов Т. Г. Басанговой, Т. А. Михалевой; отв. ред. А. А. Бурыкин, Е. Н. Кузьмина, В. В. Куканова, Г. Ц. Пюрбеев. Калмыцкий научный центр РАН. М.: Наука, Вост. лит., 2017. 367 с.

Носов 2011 — *Носов Д. А.* Структура повествования монгольской народной сказки: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 251 с.

- Почему собака и кошка ... — Почему собака и кошка враждуют / Казахские сказки [электронный ресурс] // Казахские народные сказки. URL: <http://www.ertegi.ru/index.php?id=2&idnametext=1032&idpg=1> (дата обращения: 28.10.2019).
- Репнякова 2001 — Репнякова Н. Н. Система образов животных в китайских народных сказках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2001. 20 с.
- Скородумова 2003 — Скородумова Л. Г. Сказки и мифы Монголии. Улаанбаатар: Монсудар, 2003. 141 с.
- Таубе 1994 — Таубе Э. Сказки и предания алтайских тувинцев. М.: Вост. лит., 1994. 382 с.
- Тувинские народные сказки 1971 — Тувинские народные сказки. Серия: Сказки и мифы народов Востока. М.: Наука, ГРВЛ, 1971. 208 с.
- Утнасун 2015 — Утнасун О. Б. Х. Тодаеван темдглсн «Ноха мис хойр» домгин тускар [‘О дунсянской легенде о собаке и кошке, записанной Б. Х. Тодаевой’] // Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития: Мат-лы Межд. научн. конф., посвящ. 100-летию Б. Х. Тодаевой (г. Элиста, 23–26 апреля 2015 г.): в 2-х ч. Элиста: КИГИ РАН. Ч. II. С. 62–66.
- Утюпина 2010 — Утюпина О. В. Зверь, который гуляет сам по себе: кошка в культуре народов мира: рукопись. Омск: [б. и.], 2010. 119 с.
- Феи ... 1991 — Феи с алмазных гор. Корейские народные сказки / сост. Вадим Пак. М.: Худ. лит., 1991. 383 с.
- Хальмг туульс 1961 — Хальмг туульс. 1-гч боть / сост.: Б. Сангаджиева, Л. Сангаев; ред. У. Очиров. Элиста: Калм. кн. гос. изд-во, 1961. 220 х.
- Шарина, Бурькин 2017 — Шарина С. И., Бурькин А. А. Сказки-диалоги у народов Сибири: тексты, ареалы, прагматика // Фольклор палеоазиатских народов. Мат-лы II Междунар. науч. конф. (г. Якутск, 21–25 ноября 2016 г.). Якутск: Музей музыки и фольклора. С. 271–276.
- [Chinese Folk Tales]. B. Rifting (comp.). Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1972. 336 p. (In Russ.)
- [Fairies of the Diamond Mountains: Korean Folk Tales]. V. Pak (comp.). Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1991. 383 p. (In Russ.)
- [Imperial Russian Archaeological Society: (Scholarly) Notes of the Eastern Department]. Vol. IV. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1889. Pp. 307–346. (In Russ.)
- [Kalmyk Folk Tales]. Transl. from Kalmyk. Reprint. Elista: Kalmyk Book Publ., 1978. 146 p. (In Russ.)
- [Kalmyk Folk Tales]. Vol. 1. B. Sangadzhieva, L. Sangaev (comps.), U. Ochirov (ed.). Elista: Kalmyk Book Publ., 1961. 220 p. (In Kalm.)
- [Kalmyk Myths, Legends and Tales]. T. G. Basangova, T. A. Mikhaleva (transl., foreword, etc.); A. A. Burykin et al. (eds.). Kalmyk Scientific Center of the RAS. Moscow: Nauka, Vostochnaya Literatura, 2017. 367 p. (In Russ. and Kalm.)
- [Shanya Boktaev. The Custodian of Folk Wisdom]. B. B. Mandzhieva (comp., foreword, etc.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2010. 172 p. (In Kalm.)
- [The Magic Dead Man]. B. Ya. Vladimirtsov (transl.). Moscow: Vost. Lit., 1958. 160 p. (In Russ.)
- [Tuvan Folk Tales]. Ser. ‘Tales and Myths of the East’. Moscow: Nauka, GRVL, 1971. 208 p. (In Russ.)
- Basangova T. G. Cat / the cat in the Kalmyk folklore. *Mongolica*. 2019. Vol. XXII. No. 1. Pp. 55–57. (In Russ.)
- Basangova T. G., Mandzhieva B. B. Kalmyk cumulative tale: issues of classification and integrity of texts. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS*. 2011. No. 1. Pp. 177–181. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G., Burykin A. A. Kalmyk (superstitious) sign verses ‘shinzh’ and their parallels in folklore traditions of Siberian peoples. In: [Collected Philological Papers: Commemorating Prof. V. Naydakov]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch) of RAS, 1998. Pp. 82–88. (In Russ.)
- Burykin A. A., Muzraeva D. N. Kalmyk folklore and ethnography: a case study of U. Dushan’s works. In: [Mongolian Studies]. Vol. 13. Elista, 2018. Pp. 38–57. (In Russ.)
- Dongak A. S. [‘Frame Stories’ in the Tuvan Fairytale Tradition: Plots and Motifs]. Cand.

Sources

Kalmyk Scientific Center of the RAS, Scientific Archive. Informant: L. Adudov, rec. by E. B. Ovalov.

References

[Buryat Magic Tales]. E. Barannikova, S. Bardakhanova, V. Sh. Gungarov (comps.). Novosibirsk: Nauka, 1993. 341 p. (In Russ.)

- Sc. (philology) thesis. Kyzyl, 2004. 164 p. (In Russ.)
- Dushan U. [Selected Works]. Batyrov V. V., Sharaeva T. I. (comps.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2016. 376 p. (In Russ.)
- Garin-Mikhaylovsky N. G. [Collected Works]. In 5 vols. Vol. 5. Moscow: GIKhL, 1957. 647 p. (In Russ.)
- Nosov D. A. [Mongolian Folk Tale: Narrative Structure]. Cand. Sc. (philology) thesis. St. Petersburg, 2011. 251 p. (In Russ.)
- Repnyakova N. N. [Chinese Folk Tales: System of Animal Images]. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Chelyabinsk, 2001. 20 p. (In Russ.)
- Sharina S. I., Burykin A. A. Dialogical tales among Siberian peoples: texts, areas, pragmatics. In: [Folklore of Paleosiberian Peoples]. Conf. proc. (Yakutsk; November 21–25, 2016). Yakutsk: Museum of Music and Folklore, 2017. Pp. Б1271–276. (In Russ.)
- Skorodumova L. G. [Tales and Myths of Mongolia]. Ulaanbaatar: Monsudar, 2003. 141 p. (In Russ.)
- Taube E. [Tales and Legends of Altaian Tuvans]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1994. 382 p. (In Russ.)
- The Gold Ring (Buryat Folk Tales). In: [The Fairytale Chest]. An Internet resource: <https://burjatskie-skazki.larec-skazok.ru/zolotoj-persten> (accessed: October 28, 2019). (In Russ.)
- The Magic Bell: a Mongolian folk tale (Tales of Mongolia). In: [Fairy Tales, Short Stories, Poems]. An Internet resource: <https://skazkibasni.com/volshkolokol> (accessed: October 27, 2019). (In Russ.)
- Utnasun O. Revisiting the Donxiang Legend of Dog and Cat recorded by B. Todaeva. In: [Mongolian Studies in the Early 21st Century: Contemporary Situation and Development Prospects]. Conf. proc. (Elista: September 23–26, 2015). In 2 vols. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS. Vol. 2. Pp. 62–66. (In Kalm.)
- Utyupina O. V. [The Beast That Walks by Himself: Cat in World Cultures]. Manuscript. Omsk, 2010. 119 p. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. [Collected Mongolian Stories Borrowed from the Panchatantra]. St. Petersburg: USSR Academy of Sciences, 1921. 164 p. (In Russ.)
- Why Dog and Cat Feud with Each Other: a Kazakh tale. In: [Kazakh Folk Tales]. An Internet resource: <http://www.ertegi.ru/index.php?id=2&idnametext=1032&idpg=1> (accessed: October 28, 2019). (In Russ.)

